

Инна Голубович

**«НОС» Н. В. ГОГОЛЯ В ПРОСТРАНСТВЕ
СУБУНИВЕРСУМОВ РЕАЛЬНОСТИ
(ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СВЕТЕ
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ А. ШЦЮЦА)**

Цель настоящего исследования – выявить и проанализировать возможности применения концепции феноменологической социологии Альфреда Шюца в качестве одной из стратегий интерпретации повести Н. В. Гоголя «Нос». Несколько слов об избранном нами подходе к художественному произведению в свете той или иной философской методологии, или, другими словами, о методологии одновременной и взаимодополнительной работы с методологией и литературным текстом¹. В качестве одного из возможных вариантов предлагаю анализировать «Нос» не с позиций теоретико-концептуальных моделей и установок феноменологической социологии А. Шюца, а сквозь призму его собственной феноменологической проработки литературного произведения. К счастью, в случае с Шюцом такая достаточно редкая возможность у нас есть благодаря одной из лучших его работ – небольшой статье «Дон Кихот и проблема реальности» [5; 6]. В «Дон Кихоте...» австрийско-американский социолог блестяще демонстрирует эвристический потенциал своих объяснительных моделей, открывая неожиданные смыслы и разворачивая «складки», заложенные в романе Сервантеса, не «насилуя» при этом литературный первоисточник в угоду концепции. Это тонкое, виртуозное мастерство и техника также должны быть взяты на вооружение. Кроме того, достаточно важна для нас и соразмерность объемов двух текстов – и повесть Гоголя, и статья Шюца небольшого размера, имеют примерно одинаковую «весовую категорию», что создает благоприятные условия для их диалога и нашей интерпретации взаимной переклички двух текстов. Данный подход вовсе не избавляет нас от опасностей и рисков. Выбирая его, мы лишь стремимся поддержать изначально хрупкий и неустойчивый баланс между алгеброй методологии и гармонией литературы.

К давно знакомому (но, как оказалось, совершенно незнакомому) гоголевскому тексту автор данного исследования приступил с предварительной установкой на то, что феноменологическая методология А. Шюца поможет обнаружить и прояснить «жизненный мир» и «структуры повседневности», заложенные в «Носе». Однако при более глубоком знакомстве с повестью оказалось, что «повседневности», в шюцевском смысле – первостепенной реальности, «paramount reality», там нет или почти нет, «жизненный мир» проникает в «Нос» лишь через редкие

«просветы». И это отсутствие «повседневности» еще яснее обнаруживается именно сквозь призму методологии, предложенной А. Щюцем. Однако она же помогает нам выявить и очертить границы того мира, который представлен в «Носе».

Как нам представляется, – это мир «Табели о рангах», но это не *paramount reality*, а лишь субуниверсум реальности и «конечная область значений», которая лишь «прикинулась» и «обернулась» тотальной. После прочтения повести в свете феноменологической социологии мы также обнаруживаем, что обозначенный нами «субуниверсум» – лишь один из возможных, хотя степень его явленности в гоголевском тексте такова, что порой кажется, будто он – единственный возможный из «миров».

Начав употреблять термины, предложенные Щюцем, мы должны хотя бы в первом приближении обозначить его концепцию. Так же действует и сам социолог, предвзято свою интерпретацию «Дон Кихота». А. Щюц при этом опирается на концепцию разнообразных порядков реальности (*orders of reality*) У. Джеймса. Он пишет о существовании нескольких порядков реальности, каждый из которых обладает своим особым и отдельным стилем существования, «особыми формами базовых категорий мышления, а именно – пространства, времени, причинности» [5, с. 145, 149]. Это и есть «субуниверсумы», среди которых – мир науки, сверхъестественные миры, миры индивидуальных мнений, миры полнейшего сумасшествия и причуд и т. д. Однако «первостепенной реальностью» является повседневность, которую Щюц обозначает как «мир значений и физических «вещей», воспринимаемых здравым смыслом» [5, с. 145].

Обращаясь к «Дон Кихоту» Сервантеса, Щюц стремится продемонстрировать, что «мир донкихотова безумия, мир рыцарства» как раз и является одним из таких субуниверсумов, который несовместим с первостепенной реальностью повседневной жизни. Вопрос, ради ответа на который социолог предпринял тщательный и глубокий анализ романа Сервантеса, формулируется следующим образом: «как происходит то, что Дон Кихот может продолжать наделять чертами реальности свой субуниверсум вымысла, когда он сталкивается с высшей реальностью, в которой нет места замкам, армиям и гигантам, а присутствуют просто постоянные дворы, отары овец и ветряные мельницы?» [5, с. 146]. По мнению Щюца, роль причинности и мотивации в субуниверсуме Дон Кихота играют волшебники. Их деятельность – основная категория донкихотовской интерпретации мира, они транслируют порядок сферы фантазии в сферы опытов здравого смысла, трансформируют «для профанов» действительных гигантов в фантом ветряных мельниц, маскируют бесценный шлем Мамбрина под таз для бритвы. Именно волшебники гарантируют со-существование и совместимость, казалось

бы, несовместимых «миров» – вымысла и повседневности. Таким образом, донкихотов субуниверсум, ставший для него единственной подлинной реальностью, оказывается спасен и защищен от вторжений «здорового смысла».

Роль гарантов стабильности и порядка в «Носе» Гоголя принадлежит полицейским, они своеобразные «волшебники» субуниверсума «Табели о рангах». Правда их «работа» по удержанию этого порядка реальности отличается от той, что осуществляется в мире Дон-Кихота. Порядок реальности «Табели о рангах» анонимен, а субуниверсум странствующего идадьго сотворен «из личностной точки» (пусть даже на основе имеющихся культурных и литературных образцов), и Дон-Кихот подобно «рыцарю веры» самостоятельно удерживает «космос рыцарства» и отвечает за него сам.

Еще одно важное для нас понятие концепции А. Щюца – это «анклавы опытов трансцендентности». Он подчеркивает, что ни «донкихотовский субуниверсум безумия», ни «первостепенная реальность смысла», где мы, санчо пансы, ведем свою повседневную жизнь, не являются монолитными. Они содержат опыт встречи с чем-то несовместимым с этими само собой разумеющимися “orders of reality”. Это, к примеру, – таинственные и ужасные звуки ночи, смерть, видения, пророчества и т. д. [5, с. 146]. Встречи такого рода Щюц и называет «анклавами опытов трансцендентности». И проблема, над которой он размышляет, формулируется следующим образом: как нам, независимо от того, кто мы – дон кихоты или санча пансы, – удастся поддерживать веру в реальность закрытого субуниверсума, избранного однажды в качестве первоосновы, перед лицом вторжений опытов, выходящих за его пределы?

Это «как» мы попытаемся обратить и к «Носу», допуская существование в нем не повседневности, а закрытого субуниверсума «Табели о рангах». Как и в случае с донкихотовым субуниверсумом, «конечная область значений» «Табели» претендует на то, чтобы стать «первостепенной смысловой областью», «paramount reality», отнимая эту роль у повседневности, становясь повседневностью особого рода.

Мы обозначим в контексте наших задач лишь самые общие параметры мира «Табели о рангах», определившего жизнь Российской империи с 1722 по 1917 годы. Все граждане, принадлежащие дворянскому сословию, были разделены на 14 классов. Военизированная модель управления устанавливала соответствие между государственными должностями и военными званиями. Каждому из 14-ти (а с начала 19-го века – 12-ти) чиновничьих классов соответствовало воинское звание. На членов семей – детей и жен – деление на классы также распространялось, «штаб-офицерские дети», «штаб-офицерши» и «статские советницы» имели определенные права и обязанности. В дальнейшем был введен запрет на

использование чиновником соответствующего его классу воинского звания. (Более подробно об этом [2]). Но этот запрет не был слишком строгим, коллежский асессор Ковалев, почти не таясь, представлялся майором, заменяя свой чин VIII класса на соответствующее ему воинское звание. В «Табели о рангах» четко оговаривалось соответствие не только чинов и званий, но и ранга и почестей – «что каждый такой наряд, экипаж, и либрёю имел, какой чин и характер его требуют» [4, с. 66]. При этом было запрещено как «выше своего ранга...себе почести требовать», так и «умалять» знатность и достоинство чина. В приложении к «Табели о рангах» из 62-х пунктов этому соответствию, говоря современным языком, чина и образа жизни, стиля поведения, было посвящено целых 2 пункта. «Табель» становилась моделью устройства «жизненного мира», а точнее, в избранной нами терминологии, особого «субуниверсума реальности». Порядок в этом субуниверсуме во времена Гоголя поддерживала Управа благочиния – главное губернское и городское полицейское учреждение. В самом ее названии зафиксирована забота о «благех» чинов, человек – оказывается, прежде всего, носителем чина. Так в потенции в рамках данного субуниверсума уже заложена неоднозначность отношений человека, как несамостоятельного носителя, с тем, что ему приходится носить в качестве одежды и маски. Парадоксальное выражение этой неоднозначности как раз и зафиксировано в коллизиях с носом, лишившись которого Ковалев чувствует себя никем, утрачивает собственную идентичность.

Управа благочиния и ее представители – полицейские в субуниверсуме мира чинов – выполняют ту же роль, что и волшебники в «мире странствующих рыцарей» Дон-Кихота. В случае с идадьго волшебники, являющиеся главным моментом моделей интерпретации, помогают поддерживать веру в существование «мира рыцарства и безумия». В гоголевской повести полицейские не столько что-либо объясняют, скорее почти ничего не объясняют, а лишь наводят порядок в Космосе чинов и званий, хватая «самозванца» (незаконно посягнувшего на звание) и без лишней рефлексии возвращая его владельцу.

Уточним, что субуниверсумом реальности, в котором пребывают герои гоголевской повести, является не непосредственно мир «Табели о рангах», а некий смысловой порядок со своим собственным этосом, который складывается вокруг «Табели» как высшей инстанции. Этим уточнением мы еще раз подчеркиваем сложные отношения подданных Российской империи с законом. В России любой официальный нормативный документ и задаваемый им порядок, и не только во времена Гоголя, корректировался в соответствии с нормами неписаного права и нравами. Такую коррекцию прошла и «Табель». Как мы уже указывали, в обход закона, запрещающего использовать военные звания вместо

гражданских чинов, кавказский коллежский ассессор Платон Кузьмич Ковалев повсюду называет себя майором, даже при встрече с квартальным. Он создает вокруг себя окружение «сообщников», называя при людях знакомого надворного советника подполковником. Тот, к слову, не торопится восстанавливать справедливость. Государство и само задает возможности такого размывания границ и корректировки принятых когда-то норм и правил. Так, в Своде законов Российской империи 1835 года говорилось о том, что беспоместные дворяне, не способные выдержать необходимый экзамен на чин коллежского ассессора, имеют право получить этот чин, служа на Кавказе. Что, собственно, и сделал наш герой, именно таким образом – «без испытаний и аттестатов» – получив чин 8-го класса, с которого действовало право потомственного дворянства. Таким образом, некая двусмысленность, игра подлинного и мнимого, законного и незаконного, как пишет об этом О. Дилакторская [2, с. 154], заложена в самом смысловом субуниверсуме, каким являлась Табель и вытекающий из нее Свод законов. Однако этот данного субуниверсума диктовал и некие неписанные запреты, нарушение которых разрушало устои этой конечной области значений.

Принадлежность к «миру чина» определялась и особым чутьем, где возможно обойти букву закона: «запрещается гражданским чиновникам именоваться военными чинами», но нелегально нарушить неписанное: в театре можно осмеять обер-офицеров, но никак не штабс-офицеров. Именно так думал Платон Кузьмич, определяя театр как очень важную часть субуниверсума «Табели», часть не самостоятельную, а лишь оттеняющую, презентующую ту реальность, которую он и подобные ему считают подлинной. Волочиться за хорошенькими актрисами и сидеть в креслах, не жалея «синей ассигнации», – эти грани ролевого поведения и «джентльменского набора» штабс-офицеров, ради которых и существует театр. Как в донкихотовой реальности постоялый двор на то и существует, чтобы продемонстрировать, что странствующий рыцарь всюду желанный гость, поэтому рыцарь просто обязан требовать ужин, постель, лошадей, причем совершенно бесплатно. Возвращаясь к нашему Дон-Кихоту «чина» Платону Кузьмичу, напомним, что «он мог простить все, что ни говорилось о нем самом, но никак не извинял, если это относилось к чину или званию» [1]. Однако в его «этос» никак не входил открытый поединок с теми, кто посягал на святость того, что он считал священным. Он не станет, подобно Дон-Кихоту, с риском для жизни бросаться в бой с теми, кто посмел усомниться в том, что Дульсинея Тобосская «самая прекрасная девица на свете». Наш герой и в разговоре с самозванцем-Носом, и при посещении частного пристава (оба в различных смыслах посягают на святость «Табели») лишь «совершенно смешался», «skonфузился», не знает, что говорить и что делать.

В рамках своего собственного субуниверсума Ковалев хорошо знает, что ему делать и чего добиваться. Он хлопочет о звании вице-губернатора, соответствующем V классу и чину статского советника. Именно в статского советника преображается нос коллежского асессора. В мире «Табели о рангах» Ковалев всего лишь *носитель* чина. И по иронии судьбы, о чем не мог знать Н. В. Гоголь, в 1884 году в результате законодательных изменений исчез чин майора, отпав, подобно носу. Еще одним названием для «субуниверсума реальности», как мы уже указывали, у Щюца является «конечная область значений». В данном случае конечность в смысле ограниченности проявляется еще и в том, что герои повести, погруженные в эту область, на самом деле не удивляются удивительному происшествию. Оно их и, прежде всего, Ковалева, поражает, но не возникает и сотой доли того аристотелевского удивления, с которого начинается поиск причин и оснований. Ковалев поражен святотатством самозванца, осуществившего его собственную мечту – стать статским советником, он возмущен беспрецедентным посягательством на «благочиние», на порядок в мире «Табели». И вместе с тем, границы его «порядка реальности» не позволяют Ковалеву перевести внутреннюю речь во внешнюю и сказать: «вы только прикинулись статским советником, вы плут и подлец». Он не может заявить, как герой сказки Андерсена: «тень, знай свое место», а лишь неуверенно произносит: «...мне кажется... вы должны знать свое место». В его мире отсутствует мера онтологичности и критерий различения лица и чина, носителя и его носа.

И все-таки, почему в повести не произошло «чудо», несмотря на чудесное, загадочное исчезновение, а затем обнаружение носа? Инцидент обозначен как странное «происшествие» (этим словом начинается и заканчивается «Нос»), мошенничество, плутовство, волховство. Позволим себе заявить, что «чуду» нет места в субуниверсуме «Табели о рангах» и опыт чуда здесь пережить невозможно. Прежде всего, благодаря механизмам интерпретации, которые защищают данный порядок реальности от вторжений из того мира трансцендентности, который мы лишь негативно маркируем словом «чудо», поскольку природа этого таинственного мира остается темной и совершенно непроясненной. Никто в повести собственно и не пытался ее прояснить, хотя вопрос «как это случилось» и даже «почему» неоднократно задавался и Ковалевым, и Иваном Яковлевичем, и другими персонажами. Как и почему пропал нос Ковалева? Прасковья Осиповна заявляет Ивану Яковлевичу, что он во время бритья так тербит носы, что они еле держатся. Сам Иван Яковлевич спрашивает себя: «Пьян ли я вчера возвратился...?» [1] А Платон Кузьмич выдвигает версию: «может быть, я как-нибудь ошибкою выпил вместо воды водку, которую вытираю после бритья себе бороду...». «Чуду» при этом никто особенно не удивился, а поиск «причин» и «виноватых»

осуществлялся каждым в рамках собственного субуниверсума. Сохранять его «непробиваемость» помогает превращение в акте интерпретации потенциальных символов в знаки². К более детальному описанию этого процесса мы еще вернемся. А пока лишь подчеркнем, что чудесным образом исчезнувший и также чудесно обретенный коллежским ассессором нос стал не символом, а знаком. И даже экстраординарность данного знака не разрушает принятый в качестве реального субуниверсума гоголевской повести. Так же в указанном нами смысле знаком, а не символом остался для Дон-Кихота предмет, который в его субуниверсуме определен как шлем Мамбрина, а в «ragamount reality» повседневности – как таз для бритвы. Медный таз в глазах Дон-Кихота, несмотря ни на что, остался бесценным чудодейственным шлемом исключительно благодаря вере в то, что волшебники «скрывают» истинную сущность сокровища, специально замутняют сознание профанов, которые ничего, кроме таза, увидеть не в состоянии.

Мы указывали на понятие «анклав опыта трансцендентного» в концепции А. Щюца и на существование механизмов интерпретации, которые защищают закрытый субуниверсум от вторжений такого опыта. В гоголевской повести вторжение «трансцендентного» – чудесных, необъяснимых перипетий с носом, – казалось бы, является настолько сильным, что способно разрушить границы того порядка реальности, в котором пребывают герои. Однако благодаря процедурам интерпретации и смыслоконституирования этого не происходит. После неудачных поисков носа, Ковалев, возвращаясь домой, восклицает: «Боже мой! За что такое несчастье!». В этом месте совсем ненадолго открывается просвет в иной мир, где существует ответственность, вина, раскаяние и покаяние, где можно пережить сопричастность «малым сим», тем же «нищим старухам с завязанными лицами и двумя отверстиями для глаз», которые толпятся у Казанского собора. Но «окно» в трансцендентное тут же захлопывается. Ковалев начинает искать причины внешние и виноватых вовне: водка, Подточина с бабками-колдовками и т. д. и снова остается в пределах своего субуниверсума. В итоге вместо: «*Боже мой! За что...?*» остается: «...какими судьбами это приключилось? Только *черт* разберет это» (курсив мой – *И. Г.*).

А если говорить о трагедии безносого коллежского ассессора, то в мире «чина» она не просто – слабый отзвук трагедии человеческой, здесь она имеет собственный источник. Это, прежде всего, статья Свода законов Российской империи, запрещающая брать на службу калек, у которых «болезненное положение, хотя и не от ран происходящее, но по неизлечимости не позволяющее вступать в какую-либо должность...» (Цит. по: [2, с. 155]).

В отличие от донкихотова субуниверсума, который безумный рыцарь

удерживает самостоятельно, анонимный мир «табели о рангах» нуждается в публичности, а обитатели этого мира – в Других. Вспомним, как Ковалев удостоверяется в пропаже носа. Он отправляется в кондитерскую, чтобы там, в зеркале, куда смотрится много людей, еще раз проверить, не померещилось ли ему. Ситуация двойственная. С одной стороны, Платон Кузьмич не хочет, чтобы его кто-нибудь увидел, а с другой, только в публичном месте он может окончательно убедиться, что он не спит и с ним наяву творится что-то странное. Себе и своему домашнему приватно-интимному зеркалу он не доверяет. Точно так же после того как все окончилось благополучно и нос снова оказался на месте, Ковалев должен удостовериться в этом от Других и через зеркала в публичных заведениях и учреждениях. Ковалев снова идет в ту же кондитерскую, затем в департамент, где с удовольствием глядится в свое отражение, затем едет к своему знакомому, тоже коллежскому асессору, большому насмешнику, гуляет по Невскому. Здесь Другие и та же «реабилитированная» им штабс-офицерша Подточина подтверждают полноценность «майора».

Итак, самооценка героя дается через оценку других. «Вид пасквильный» – говорит о себе Ковалев. Как эксперт «чиновничьего субуниверсума» он совершенно правильно определяет то место, где возможно присутствие такого происшествия. Это – пасквиль. Да и газетный экспедитор, отказавший печатать объявление о пропаже носа, предлагает сделать из необыкновенного случая пасквиль и напечатать в «Северной пчеле».

Мы уже показывали, что ограниченный субуниверсум через механизмы интерпретации защищает себя от вторжений трансцендентного. Известный российский социолог Л. Ионин, во многом последователь концепции А. Щюца, приводит в пример одну из таких моделей интерпретации [3]. Он обращается к роману М. Булгакова и напоминает, как дядя Берлиоза прочитывает телеграмму: «меня только что зарезало трамваем на Патриарших...». Максимилиан Андреевич Поплавский удивлялся недолго и сразу объяснил необыкновенное содержание послания ошибкой телеграфистки и тем самым не допустил чуда в свой субуниверсум, вращающийся вокруг пресловутого «квартирного вопроса». Близость булгаковского «Мастера и Маргариты» и гоголевского «Носа» в данном случае заключается в том, что в обоих случаях мир, в котором обитают герои (речь идет только о «профаном мире» «Мастера...»), – это отнюдь не повседневность, не *ragamount reality*, а редуцированные «конечные области значений».

В «Носе» герои прочитывают «телеграмму» о чуде, подобно дяде Берлиоза, по-своему интерпретируя и ничему не удивляясь. Даже Подточина, получив странное письмо от Платона Кузьмича, подменяет буквальное толкование, метафорическим – «оставить с носом».

Напрашивается резонный вывод: субуниверсум «Табели» аннигилирует «чудесное», не оставляя ему ни единого шанса. Однако у Гоголя как раз наоборот. Этот «порядок реальности» без чудес жить не может. Однако чудо претерпевает трансформацию, оно превращается в слух. Невозможность онтологического чуда, воспринимаемого в модусе бахтинской «единственной единственности» моего события-бытия, компенсируется ожиданием чуда («умы всех именно настроены были к чрезвычайному») как реальности языка в модусе публичной сплетни и слуха. Именно рассказы о всяческих чудесах (гуляющий по Петербургу нос, танцующие стулья в опытах по магнетизму) создают особый вид релевантности (совпадения перспектив – в модели Щюца) интерсубъективного мира «Табели», в котором живут герои «Носа». Одновременно погружение в слухи о чудесах – это бегство от «анклавов опыта трансцендентного», поджидающих нас на границах хорошо обжитых субуниверсумов и угрожающих им разрушением.

Еще один возможный модус существования чуда в рассматриваемом нами «порядке реальности» – это публичное зрелище, спектакль. Субуниверсум «чина» – это своего рода «общество спектакля», мы обратили внимание, с какой доведенной до автоматизма готовностью рука Ковалева тянется к ассигнации, когда видит объявление в газете о театральном представлении. С такой же готовностью обитатели этого субуниверсума готовы лицезреть что-то необычное. Для них и стулья подготовлены в том месте, где, по слухам, может прогуливаться нос. Гоголь пунктиром обозначает и различные социально одобряемые смыслы такого рода зрелищ, позволяя выстроить целую типологию. Кроме просто зевак, которых всегда влечет что-то необычное, в повести упомянуты студенты Хирургической академии, отправляющиеся за предполагаемым носом в Таврический сад. Для них он интересен как «странная игра природы», как один из возможных экспонатов петровской Кунсткамеры. Это, как нам представляется, аналог научно-профессиональной экспертизы чудесного, опять-таки не выводящей за пределы данного порядка реальности. Ведь «чудо» уже маркировано как природная странность, «редкое произведение природы». Следующий тип смыслополагания по отношению к «чрезвычайному» демонстрируют в повести газетный экспедитор и одна знатная почтенная дама, которая просит зрителя сада показать ее детям «редкий феномен» «с объяснением наставительным и назидательным для юношей». Экспедитор, отказываясь помещать объявление о пропаже носа в газете, предлагает Ковалеву опубликовать историю про нос в «Северной пчеле» и опять-таки «для пользы юношества». И еще один тип «потребителей» чудесного, вернее слухов о чудесах. Это – «светские, необходимые посетители раутов», любившие смешить дам. Они всегда рады подобным происшествиям и чрезвычайно огорчаются, когда запас

подобных историй истощается.

Традиционно мир «чина», мир «Табели о рангах», описанный Гоголем в «Носе», характеризуется негативно. Мы же, не оспаривая этой оценки, вслед за А. Шюцем, завершая наш анализ, «не гневаясь и не осуждая», просто примем, «как само собой разумеющееся, возможность Другого выделять как реальный один из бесчисленного множества субуниверсумов» [5, с. 148].

Примечания

¹ Не хотелось бы «давить» гоголевский «Нос» всей категориально-теоретической мощью феноменологической социологии и бросать на него «тяжелую артиллерию» концепции А. Шюца о «субуниверсумах реальности» или «конечных областей значений». В противном случае сам литературный материал превратится в источник для примеров, лишь подтверждающий эвристические возможности самой методологии. Почему так уверенно – подтверждающий, а не опровергающий? Гоголевская повесть настолько многомерна, полисемантична и обладает таким богатством смыслов, что способна «подыграть» почти любой методологической установке гуманитарного знания, которая после такой игры в интеллектуальные «поддавки» лишь уверится в своем собственном всеилии и непогрешимости.

² Понятия «символ» и «знак» в данном контексте мы используем в специфическом значении и в очень ограниченном объеме. Символом будет то, что указывает на Иное, выводит за пределы и может привести к преобразению того, кто идет вслед за символом в сферу трансцендентного. Знаки же оставляют интерпретирующего в пределах наличной реальности. И, несмотря на их исходную «странность», они включаются в знаковую систему «мира опыта» и «нормализуются» в ней, поскольку проинтерпретированы как «плутовство», «волхование», вечное русское «воздействие водки» и т. д.

1. Гоголь Н. В. Нос // Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 9 т.– Т. 3. Повести.– М.: Русская книга, 1994.
2. Дилакторская О. Г. Фантастическое в повести Гоголя «Нос» // Русская литература.– 1984.– № 1.– С. 153–166.
3. Ионин Л. Г. Социология культуры.– М.: Логос, 1996.
4. Российское законодательство X-XX веков в 9 т.– Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. Ред. А. Г. Маньков.– М.: Юридическая литература, 1986.
5. Шюц А. Дон Кихот и проблема реальности // Философская и социологическая мысль.– 1995.– №.11–12.– С. 144–169.
6. Schutz A. Don Quixote and the problem of reality // Collected papers.– Hague, 1971.– Vol. 2.– P. 135–158.